

Н.А. Панова, А.П. Коробейникова
Екатеринбург

**БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ
«ДОПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ»**

Аннотация: в статье дается характеристика влияния значимых общественно-исторических событий XX в. на сферу брачно-семейных отношений в России.

Ключевые слова: Россия, семейно-брачные отношения, модернизация, государство, демография.

N.A. Panova, A.P. Korobeinikova
Ekaterinburg.

**MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA: HISTORY
«ДОПЕРЕСТРОЕЧНОЙ RUSSIA»**

Abstract: the article demonstrates characteristic of influence of socially significant historical events of the twentieth century in the sphere of family and marital relations in Russia.

Keywords: Russia, family and marriage relations, modernization, state, demography.

Главная из особенностей, отличавших дореволюционную Россию от ряда стран, заключалась в том, что большинство населения жило в деревне, в условиях, когда старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство пришло в упадок, а новое только начинало складываться. Согласно переписи 1897 г., доля городского населения в общей численности страны (в границах Российской империи) составляла 15%, а в 1913 г. – 18%¹³⁵. Поэтому в России преобладали большие «неразделенные» крестьянские семьи патриархального или полупатриархального типа с соответствующими экономическими и нравственными устоями.

В коллективном труде «Село Верятино в прошлом и настоящем», являющемся результатом всестороннего этнографического исследования одной из типичных русских деревень, отмечается, что глава такой семьи (как правило, дед или старший брат) распоряжался всем ее имуществом и деньгами, руководил хозяйственными работами, распределял обязанности и выступал в качестве посредника в семейных конфликтах. «Всякое проявление собственной воли тотчас же пресекалось» [1].

Семьи были многодетные. По данным переписи 1913 г., средне-статистическая крестьянка Костромской губернии рожала в течение своей жизни 15,3 ребенка [2]. Дети с самого раннего возраста приобщались к труду и, собственно, не знали детства в современном его понимании.

---

¹³⁵ Население СССР. Справочник. М., 1974. С. 50.

Городские рабочие в значительной части также были выходцами из деревни, поддерживали с нею систематическую связь и сохраняли в той или иной степени крестьянские нравственные традиции и культуру.

Православие было единственной формой духовной жизни огромного числа малограмотного населения, особенно в деревне. Поскольку религия рассматривала расторжение брака как грех, женщины, воспитанные в религиозном духе, даже в крайних случаях старались не прибегать к разводу, тем более, что он был очень затруднен и юридически. Поэтому сравнительно небольшое количество разводов в дореволюционной России нужно рассматривать не как свидетельство прочности и устойчивости брака, а как показатель гораздо большей, чем в передовых буржуазных странах того времени, авторитарности семьи и порабощенности женщин.

Первая мировая, а затем гражданская войны отбросили экономику, а, следовательно, и ряд других сфер жизнедеятельности, назад, даже по сравнению с довоенными показателями. В частности, создалась большая демографическая диспропорция. В 1926 г. на 1 000 женщин в возрасте 25-29 лет приходилось 839 мужчин, следовательно, большое число женщин навсегда лишилось возможности иметь семью. Резко упала рождаемость. Гибель родителей, дезорганизация многих семей породили беспризорность детей.

В ситуации, когда старая законность была разрушена, уничтожена религия как основа духовного мира человека, а новые законы жизни только устанавливались, жизнь многих людей стала зависеть от случая. Кроме того, в результате экономической разрухи возросла безработица, от которой особенно страдали оставшиеся без мужей женщины. Все это деформировало сексуальную мораль, стимулировало нравственно немотивированные и корыстные половые связи, вело к росту проституции.

Самозванные законодатели, заполонившие страну, дошли до таких курьезов, как издание специальных «декретов» о «национализации» женщин, организации «бюро свободной любви» и так далее. Вот один из них, появившийся в 1918 г. во Владимире: «После 18-летнего возраста всякая женщина объявляется государственной собственностью. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста и не вышедшая замуж, обязана под страхом строгого взыскания зарегистрироваться в «бюро свободной любви» при комиссариате призрения. Зарегистрированной в «бюро свободной любви» предоставляется право выбора мужчины в возрасте от 19 до 50 лет себе в сожители-супруги... Право выбора из числа девиц, достигших 19 лет, предоставляется также и мужчинам. Выбирать мужа или жену предоставляется желающим раз в месяц. «Бюро свободной любви» автономно. Мужчинам в возрасте от 19 до 50 лет предоставляется право выбора женщин, записывающихся в бюро, даже без согласия последних, в интересах государства. Дети, произошедшие от такого рода сожительства, поступают в собственность республики» [3].

Российское общество попыталось начать создание коммунизма с отношений между полами, «реконструируя» их по образцу первобытного промискуитета. Изменение отношений между полами приняло крайние формы, в значительной мере на десятилетия определившие и отношение к женщине, и ее поведение. Революционное крушение идеалов, отрицание основополагающих принципов и человеческих ценностей, в частности религии, привели к «новой морали» вседозволенности, безнаказанности, безответственности, всколыхнули низменные человеческие чувства и настроения, которые приобрели безудержную силу.

Таким образом, в тенденциях, которые возникали в сфере сексуальной жизни и брачно-семейных отношений после 1917 г., проявились разрушительные силы, обуздать которые новое государство было не способно, а отчасти и не стремилось, так как цель политики всходила из главного постулата: «разрушить все до основания» и на «развалинах» построить «новое».

Поэтому в какой-то мере справедливо высказывание западногерманского публициста К. Менерта, что «советское правительство сразу же после революции повело борьбу с семьей. Для них (коммунистов) семья – это бельмо на глазу, и не только из-за ее консервативности. Их раздражает уже само существование этого единственного в стране не контролируемого ими института, самобытной и замкнувшейся в себе ячейки, инородного тела в государстве, которое во всех остальных отсеках контролируется сверху донизу» [4]. Такая во многих отношениях типичная оценка позиции и действий коммунистов по отношению к семье была весьма распространенной как среди зарубежных ученых, так и среди русской интеллигенции, понимавшей, что семья – хранительница не только традиционной русской культуры, быта, основа социализации человека, но и связь исторических времен.

Таким образом, первое десятилетие советской власти в России сопровождалось интенсивной феминистской пропагандой. Обсуждение проблем свободы любви, сведенных в массовом сознании к проблеме половых связей, внесловесный вклад в развитие внесемейных ориентаций женщин. Эти ориентации усиливались практикой социально-экономических отношений. В итоге все революционные начинания ассоциировались у населения с борьбой против семьи (отмена частной собственности и наследования, отделение «кухни», домашнего труда от брака и семьи, общественное воспитание детей и тому подобное.). Направленность официальной пропаганды против «косности» патриархальных отношений, называемых «домостроевскими», придавала мощный импульс «революционной» войне с «буржуазной» семьей, а фактически с семьей вообще как важнейшим элементом культуры.

Разрушение традиционных семейных отношений в России продолжилось в десятилетиях тоталитарной системы. По мнению известного отечественного социолога А.И. Антонова «феномены человека-

винтика и затенение социально-статусных различий, связанных с образованием, профессией, доходом и так далее, коррелируют с тем, что стало с семьей, с материнской сутью женщины, вовлеченной в общественное производство, с сексуальностью и вообще интимностью бытия» [5].

Обезличенные, обюрокраченные отношения людей, далеких от инициативы и активности, отразились и в семейных отношениях. Занимаясь служебной деятельностью, люди, возвращаясь с работы домой, привносили в семью укоренившиеся шаблоны поведения. Прежде всего «инфицированию» подверглись те отношения, которые составляют сердцевину семейной жизни – отношения родительства, отношения между старшими и младшими поколениями.

Вытеснение семейного производства и вовлечение в орбиту наемного труда всех трудоспособных членов семьи, помещение несовершеннолетних в дошкольные организации, а престарелых – в приюты лишили людей общесемейной деятельности и межпоколенного общения, привели не только к физическому, но и психическому разъединению их, отстраненности друг от друга, разрушению семейных традиций.

Не имея возможности передавать по наследству недвижимое имущество (в городах – квартиры, в деревнях – дома с землей), родители потеряли свое влияние на взрослых детей и само желание иметь именно нескольких потомков. Потребность в детях фактически превратилась в потребность в малыше, так как, начиная с детского сада, родители постепенно утрачивали свое родительское «владение» им в социально-психологическом смысле. Уменьшение родительского влияния на формирование личности ребенка было прямо пропорционально усилению влияния школ, интернатов, пионерлагерей и общественных организаций. Неизбежная при этом взаимная чуждость родителей и детей сопровождалась не только разрушением системы семейных ценностей и традиций, но и нарастанием насилия над детьми, побегам их из семьи, учащением правонарушений детей и подростков в полных семьях.

Самый главный результат отношений отчуждения в семейной сфере – массовидный характер однодетности. Однодетность – ближайшее следствие имитации семейного образа жизни, «форма существования одиночества троих» [5]. Социолого-демографические исследования и опросы населения выявили смещение ценностей личности в сторону материального фетишизма». Вопросы о детях вызвали жалобы на жилищные и материальные трудности [6]. Но дети не рождаются исключительно по экономическим соображениям. Интенсивное использование ссылок на материальные препятствия к рождению детей, названное в социологической демографии и социологии семьи «концепцией помех», свидетельствует о всеобщности отчуждения в этой сфере.

Едва ли не самым тяжелым наследием сталинских репрессий явилась деморализация семейных – родительских, родственных, супруже-

ских – отношений. Их доверительность, интимность, близость были разрушены государственной машиной. Практика отказов жен и детей от мужей и отцов, объявленных «врагами народа», свидетельствовала о принудительном отлучении людей от ценностей семейности, которая япоставила нормы семейной близости ниже норм «социалистической морали». Этому в немалой степени способствовало распространившееся в 1920-е гг. и позже отношение ко всему семейному не просто как к чему-то второстепенному, а как к «мелкособственническому», «непролетарскому», «мещанскому».

Обстоятельством, негативно повлиявшим на семью, следует признать интенсивные индустриализацию и урбанизацию в условиях ликвидации частной собственности и мелкого производства. Обобществление народного хозяйства, в том числе коммунально-бытовой сферы, вовлечение в систему государственного производства мужчин и большинства женщин лишило семейное производство основных работников. Устранение семейных домохозяек как самостоятельной социальной категории опережало создание дошкольных учреждений и интернатов, системы пионерских лагерей, санаториев и других. Общественное питание, стирка, общественное содержание и воспитание детей, по признанию большинства ученых, существенно отставали от «выдерживания» женщин из домашнего хозяйства. В силу бытующих социальных норм повседневной жизни женщинам пришлось выполнять основную часть домашней работы после обязательного рабочего дня на государственном предприятии. И «домашнее рабство» было дополнено «производительным» трудом, так как зарплаты мужа не хватало для содержания семьи.

Протоиерей Борис Нечипоров, анализируя изменение положения женщин в семье, произошедшие в советские времена, особым признаком несостоятельности женщины считает ее личностную «бездомность». Можно быть состоятельной на работе, иметь массу друзей, подруг, самореализовываться, но дома беспорядок, голодные дети, неухоженный, заброшенный муж. Автор выделяет несколько отрицательных типов домашнего устройства: дом как притон или забегаловка, смысл этого дома ясно вытекает из его метафорического названия; как проходной двор – и в этом случае дом и домом назвать нельзя: входят – выходят зачастую малознакомые люди, шумно, грязно; как вокзал – люди (членами семьи сложно назвать) собираются на 10-12 часов поспать, перекусить, реализовать другие свои физиологические отправления и рассыпаться кто куда. Такой дом как целостность, как духовная общность мертв; как салон – место встречи, посиделок, сплетен, но, опять же не место близости и духовного единения; как затвор. Если это не уход от мира к Богу, а что-то еще, нужно понять что: невротическое одиночество, ощущение покинутости, разочарование? В любом из этих случаев – это не истинный дом, здесь нет уюта [7].

Насаждаемая государством практика двойного рабочего дня женщин сопровождалась призывами к демократизации внутрисемейных отношений, призывами, обращенными к мужьям, взять часть домашних работ на себя (вопреки укоренившимся социокультурным нормам).

Расчеты, произведенные С.Г. Струмилиным на основе бюджетов времени рабочих семей в 1922 г., показали, что в семьях на каждые 100 часов платной работы на государственных предприятиях приходится 142 часа домашней, неоплачиваемой работы, а это означает, что создание сферы общественных услуг, выполняющей подобный объем домашнего труда, оказалось утопией [8].

По расчетам экономистов, в 1970-е гг. домашнее хозяйство поглощало ежегодно 180-200 млрд. человек-часов, и для выполнения этого объема работ необходимо примерно 100 млн. чел., то есть ровно столько, сколько имелось на момент расчета в стране рабочих и служащих [9].

Таким образом, «равноправие женщины» так и осталось мечтой. Но именно личная, материнская заинтересованность женщины в рождении и домашнем воспитании детей позволяла ей, вопреки всем экономическим, социальным и политическим обстоятельствам, выносить двойное «бремя» на своих плечах.

Фактически, проводившаяся в стране социальная политика ориентировалась на модель нуклеарной семьи – работающие вне семьи супруги и пребывающие вне семьи дети (в течение рабочего дня родителей). Реалиями политики семейной дезорганизации, по мнению А.И. Антонова, являются «минимальная плата за наемный труд, едва достаточная для удовлетворения насущных потребностей самого работника и недостаточная для содержания даже одного ребенка (после повышения цен весной 1991 г. – уже недостаточная и для «половины ребенка», а после «либерализации» цен в январе 1992 г. – и для «четверти ребенка»), присвоение государством продукта семейного воспитания и обеспечения – совершеннолетних детей, забираемых в армию наемного труда (сыновей – буквально в армию)» [5].

Среди современных отечественных исследователей широко распространена точка зрения, согласно которой Россия – как культура и как цивилизация – переживает острый идентификационный кризис: разрушив свою прежнюю, «советскую» идентичность, она оказалась на перепутье между постиндустриальным и традиционным обществом. Подобный процесс происходил не только в России, но и в бывших республиках СССР, и в Восточной Европе, что выводит его за рамки одного общества и придает ему черты цивилизационного кризиса. Семья является тем социальным объектом, на который его влияние оказалось наиболее разрушительным.

Библиографический список:

1. Село Верятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 80.
2. *Сбирная Ж.* Материнство в Древней Руси / Народная газета, 2006. № 6. С. 16.
3. Социализация женщин. Пг., 1918. С. 4-6.
4. *Менерт К.* Советский человек. М., 1959. С. 66, 70, 89.
5. *Антонов А.И.* Возродить семейную жизнь // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 96.
6. *Белова В.А.* Число детей в семье. М., 1975.
7. *Нечипоров Борис*, протоиерей. Времена и сроки. Проповеди, беседы, эссе. Книга вторая. М., 2002.
8. *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 3. С. 193-195.
9. *Балыкова Н.А.* Пути сокращения домашнего труда. ЭКО. 1978.